

Осколки

Автор:

Елена Малозёмова

Осколки

Елена Николаевна Малозёмова

В данном сборнике миниатюры, новеллы и статьи посвящены жизни обычных людей в СССР. Писатель отлично владеет литературным языком. Произведения читаются легко и с интересом.

Елена Малозёмова

Осколки

1. Ехали цыгане

Ехали цыгане,

Кошку потеряли.

Кошка сдохла, хвост облез.

Кто промолвит, тот и съест!

– Ох, и вправду, Дашутка, мы как цыгане. Едем-едем, а конца и края дороге этой проклятущей нет, – тётка Акулина поправила тулуп, которым была укрыта Дашина мать. Приболела она, сильно ослабла. – Где же эта Сибирь, когда

доедем, а, Вань?

Ваня, сын Акулины, пожал плечами. Он был старше Даши всего на год и они быстро сдружились в дороге. Янченки ехали с Украины, с Днепра, а Коломийцы с Дона. Караваны из телег встретились недалеко от Волги и дальше ехали уже вместе.

Скоро их пути расходились. Коломийцы держали путь на юг, через степь, в далёкий Верный, а Янченкам хотелось в Сибирь.

Маме стало немного получше. Она села, обняла единственную дочку и в шутку спросила:

– Ну, что, Дашутка, куда поедем? В Верный яблоки кушать или в Кустанай картошку?

– Картоху! Картоху! – закричали Даша с Ваней. За время пути они привыкли друг к другу и им совсем не хотелось расставаться.

– Катерина, ты бы поела малость, – Акулина протянула краюху хлеба.

– Не, не хочу, не полезет, – замотала головой Катерина.

– А я вот никогда не отказываюсь, даже если наелась от пуза. Как чуть не померла девчонкой с голодухи, так решила: зубами буду землю грызть, а вспашу. Обману, украду, но зерно достану. Приползу, но соберу хлеб. Страшно это, с голоду помирать!

...А утром Дашина мама умерла.

Две телеги поотстали от других, мужики наскоро выкопали могилу, приладили крест из досок, перевязанных верёвкой, и, не мешкая особо, поехали нагонять основной караван. Отставать было опасно.

Так и решился вопрос, куда ехать. Илья, Дашин отец, решил держаться Павла и Акулины Янченко. Как-то полегче ему рядом с ними было. Да и дети сдружились.

Тётка Акулина достала из глубин плисового чёрного кафтана белую тряпочку, развернула ее и дала Даше с Ваней по куску сахара.

– Не печалуйся, Дашутка, как-нибудь вместе переживём. Станешь женой моему Ване, мы тебя не бросим.

Даша отряхнула соринки с крохотного кусочка сахара и сунула его в рот. Стало и вправду полегче. Почему? Наверное, потому, что не одни они с отцом на этом свете остались. Тётка Акулина вон какая! Умная, хитрая, бедовая...

Так, в 1916 году мои предки оказались в Кустанае. Там и прижились.

...И пришла гражданская война, а вместе с ней и голод. А потом тридцатые наступили и опять пришёл голод. Люди мёрли, страшно мёрли. Тени человеческие шли по улице, падали и умирали. И помочь им было нельзя. Эпидемия тифа косила всех. Потом приезжали специальные люди, закидывали трупы в телегу и исчезали. И жизнь начинала течь своим чередом. До новой порции бредущих по дороге обречённых душ.

А у Даши с Ваней уже четверо детишек народилось. Но младшенькие померли. От тех же голода и тифа. Как ни старалась Акулина их выходить, да разве помогут травы да заклинания против таких бесов как голодуха да тиф!?

Вот от других напастей помогали они ей самой выжить, давали шанс и другим поправиться все эти колдовские заклинания. От грыжи, лихорадки, судорог Акулина местным детям могла помочь. Брала она привезённый еще с родины серебряный нож, как-то хитро рисовала им на детских животах кресты, делала пассы руками, бормотала еле слышимые заклинания и болящие шли на поправку. Ей несли, кто что мог: кто яичко, кто курочку, кто одежонку, а кто и деньжат.

Но оставшихся двоих внушек, Шуру и Надю, бабушка не больно баловала. Они с дедом Павлом жили по соседству, но на удивление редко виделись с семьёй сына. Иногда, придя в гости, доставала Акулина из-под плисового зипуна платочек и раздавала девчонкам по куску сахара. И всё. Но Даша не обижалась: всем тяжело.

Перед войной родились ещё две девочки. Римма, самая маленькая и слабенькая, не выжила. А Людочку, родившуюся в тридцать девятом, Шура с Надей выходили, вынянчили. Ивана забрали на войну, а Дарья сутками безвылазно пропадала в госпитале. Иногда она, со всякими хитростями вырываясь домой, приносила за щекой мякиш хлеба. Это всё, что она могла сделать. Всё остальное делали дочери: Шура нянькалась с малышкой и работала по дому, а Надя, как невероятно шустрая и пронырливая, стояла по очередям за хлебом, бегала на поля за мёрзлой картошкой, рыскала по столовским и базарным помойкам в поисках овощных очисток. Так вот и выжили. И послевоенный голод пережили.

А Акулина жила своей жизнью. Рядом, но отдельно. Иногда угощая своих уже правнуков кусочками сахара. Один раз, уже в шестидесятые, перепало и мне.

– Эй, подь сюда! – я приблизилась. – Нет, Надэга, твоя дочь не наша порода!

Она низко наклонилась, прищурилась, разглядывая меня.

– На тебе гостинец.

Из платочка она достала кусочек сахара. Весь в крошках и каких-то соринках.

– Мама, что это? – отбежав, спросила я шёпотом. Мне, избалованной бесконечными подарками другой, московской бабушки, этот кусочек хотелось только выкинуть.

– А вот мы его сейчас почистим, подуем на него и с чаем выпьем, – мама потащила меня подальше от бабки Акулины. Чтобы та, не дай бог, не услышала.

Уже за чаем я спросила: – Мама, а что это бабка Акулина с ребёночком делала? Я в окошко подглядела. Она ножиком в него тыкала. Так страшно!

– Это она детишек так лечит, ты не бойся.

– Но ты же так никогда не делаешь? – я ложечкой пыталась размешать ужасно твёрдый кусок подаренного сахара.

– Я по-другому лечу, – улыбнулась мама.

...Вскоре бабка Акулина умерла. Тихо. Просто не вышла однажды во двор. Похоронив свекровь, Дарья зашла в её домик прибраться. Да что там было особо убирать-то? Очень строго жила бабка Акулина, совсем без излишеств. Взгляд упал на топчан. Там сиротливо лежала подушка поверх старого штопаного солдатского одеяла. Дарья вздохнула горько: «Ну, уж совсем Акулина со своим «чёрным днём» переборщила! На лохмотьях спала. Надо выкинуть весь этот мусор».

Она взялась за старый тюфяк и начала скатывать его в рулон. И вдруг из его прорех посыпались деньги. Много денег. Там были и царские ассигнации, и керенки, и довоенные, и дореформенные пятёрки, рубли, червонцы...

Дарья стояла и смотрела на старый сопревший матрас, а из него продолжали и продолжали сыпаться бесполезные, уже давно ненужные деньги...

Жизнь отмоталась назад и почему-то в голове застучала та давняя детская песенка:

Ехали цыганы, кошку потеряли... Не плачь, Дашутка, выдюжим! Землю буду есть, а голодать больше не буду...

Кошка сдохла, хвост облез.

Кто промолвит, тот и съест...

2. Воспоминание о будущем

А вот дедушек у меня не было. Один сгинул на сталинских стройках ещё в тридцать восьмом. А второй погиб под колёсами чуть не единственного в Кустанае грузовика за год до моего рождения. А бабушки... Бабушки, да, были, но чисто номинально, потому как жили от меня далеко, плюс были обложены со всех сторон другими внуками. Мы встречались наездами-наскоками и не было в наших отношениях того тепла, о котором я много слышала от других.

Воспитанию своему я обязана советской власти в виде яслей с восьми месяцев и, конечно, электрификации, потому что без неё я не смогла бы читать круглосуточно. Имя, которое мне дали при рождении, не было данью тогдашней моде. О том, что, если быть, то быть мне Леной, папа знал всегда, потому что так звали бабушку, мою полную тёзку.

Сказать, что я её не любила, ничего не сказать. Я её боялась. Мне, маленькой, она казалась ведьмой из сказки. И никакие московские подарки в виде невероятных конфет-зонтиков (самолётиков, уточек и барашков), моднейших платьев и немецких новогодних книжек-раскладушек со сказочными домиками и оленями не помогали. Я всегда была достаточно равнодушна к плотской стороне мира. Да, всё это красиво и вкусно, но причём тут моя любовь или нелюбовь к бабушке? Каждый год папа ездил в Москву и таскал с четырёх лет меня с собой.

Поцеловав меня при встрече, бабушка сразу начинала строжиться и воспитывать меня на свой старорежимный манер. Но самое ужасное то, что каждый день я должна была пить кипячёное молоко. С пенкой! Как-то в семь лет я поспорила с соседским мальчишкой Серёжкой, что не заблужусь в лабиринтах московских закоулочков. Он, гад, отвёл меня куда-то, кстати, не так чтобы далеко, раскрутил и убежал в перекрестье переулков, которых, как я потом выяснила, было штук двенадцать по окружности. Мне, алма-атинскому ребёнку таких хитросплетений топографии было не понять. Я долго блукала по окрестностям, потом пошёл дождь и я начала рыдать от обиды и бессилия. Добрые люди отвели меня домой, а там... злая, злая бабушка. Она опять отругала меня, посадила за стол и с грохотом поставила передо мной стакан молока. «Попробуй сейчас не выпить!». Я сидела несчастная за столом и страдала над ненавистным стаканом.

Ко мне тихо подсел муж папиной сестры, дядя Валера, бывший военный корреспондент на Северном флоте, так же, как и отец оттрубивший в лагерях десять лет, но не растерявший жизнелюбия баламут и любитель кипячёного молока. Да и водки тоже. Оглянувшись, не появилась ли бабушка, он подмигнул мне и к обоюдному удовлетворению залпом выпил весь стакан.

А с Серёжкой я больше не дружила...

Лет в четырнадцать мы с отцом навестили бабушкиного брата, Нила Николаевича, имевшего Георгия с Первой Мировой и работавшего старостой при церкви в селе Никольском под Москвой. Осталось в памяти такое яркое, очень мимолётное воспоминание. Я сижу на веранде, пью малиновый компот и разговариваю о чем-то с женой деда Нила, делаю какой-то жест и она всплескивает руками: «Господи, копия Лена!» Я теряюсь, не знаю, как мне на это реагировать. Кошмар! Я – копия моей ужасной бабушки! Вот это да! Мало того, что полная тёзка, так ещё и полная копия! Ну, никак мне не приходило в голову, что бабушке тоже когда-то было четырнадцать лет, что она танцевала, кокетничала и влюблялась. Разница в шестьдесят пять лет была для меня пропастью.

И ещё много-много раз я слышала фразу: «Ну, копия бабка Лена», но относилась к ней, как какому-то недоразумению.

А умерла бабушка, когда мне было десять лет. Отец очень переживал, что мы не застанем её живой. Успели. Она лежала на кровати, отгороженной от остального мира огромным дореволюционным шкафом. Там была полутьма, горела лампадка над иконой... Она звала меня: «Леночка... Леночка!» Мне было страшно. Я застыла в нескольких шагах от этой жуткой и непонятной полутьмы. Но отец жёстко подтолкнул меня к кровати.

Бабушка тянула ко мне крючковатые пальцы, пытаюсь взять меня за руку. Я протянула руку и она, крепко схватив её, подтянула её к лицу и поцеловала.

Потом отпустила руку и улыбнулась. Так и простились мы друг с другом. Две Елены Николаевны Пачинцевы, две копии друг друга, обе рождённые 15 мая и по новому и по старому стилю.

3. Карантины, карантинны...

Карантины, карантинны... Осмысленные, но беспощадные... Стихийные бедствия, так же, как и сами болезни. Последствия карантиннов тоже ведь катастрофичны. Ну, или почти. У меня в памяти они остались стенаниями и метаниями моей мамы: сорок дней меня надо было куда-то пристраивать. Не всегда получалось. И тогда мама таскала меня с собой в институт.

О! Это был праздник! Одно здание нашего медицинского чего стоит. Это самый красивый институт в городе, похожий на барскую усадьбу: с колоннами и огромным зелёным пространством перед ним. Мне виделась кареты, лошади, нарядные дамы.

Нарядных дам, и, правда, было в избытке: тоненьких, очень молоденьких и красивых. Они ходили исключительно на шпильках, делали модные начёсы и подводили глаза длинными восточными стрелками. Моё юное женское сердце просто заходило от вида их ярких нарядов, но вдруг, как по мановению волшебной палочки они все, надев белые халаты, превращались в докторов. Но оставались такими же милыми и смешливыми.

Они установили надо мной дежурства и по очереди водили по кабинетам и в столовую. Кто-то подучил меня отвечать на вопрос: «Девочка, как тебя зовут?» строго определённым образом: «Еена П`ек`ясная». И я честно всем так и отвечала, считая, что в институте так положено.

В общем, разобранная по добрым девичьим рукам, в институте я маму почти не видела.

Приходя в огромный лекционный зал, мои бонны садились куда-нибудь повыше и подальше от кафедры, давали мне листочки, вырванные из тетрадок, и я самозабвенно иллюстрировала принесёнными из дома цветными карандашами лекции по внутренним болезням. Как я их в четыре года понимала.

Но однажды случилась беда. Я чихнула! Видимо, громко. Профессор застыл в недоумении и задал сакраментальный вопрос: кто чихнул? Кто-то из девчонок снял меня со скамьи и придавил голову в пол. Я сидела, как мышка и рассматривала ряд стройных ножек, а над амфитеатром гремел голос

профессора: кто чихнул? Одна из студенток поднялась.

– Что вы меня обманываете!?! – прижимал меня к полу крик профессора: – Это чихнул ребёнок! Маленький ребёнок!

Что так возмутило и удивило преподавателя, я так и не узнала. Не помню, как разрешилась ситуация, но не думаю, что были какие-то серьёзные последствия.

Все намного хуже обстояло за год до этого. Тоже карантин, тоже сорок дней и девять меня, трёхлетнюю, было совершенно некуда. Тот случай я помню совсем как бы сполохами.

Вот мама приводит меня к какой-то совершенно древней, скрюченной старушке. Её комната в моей памяти осталась похожей на купе в поезде: прямо стол над маленьким грязным окном, слева кровать и везде иконы, иконы, иконы... Наверное, было что-то ещё, но запомнилось так. Картинку дополняли запахи бурьяна и мазута да звуки маневровых поездов.

Мы сидели с бабулей на кровати, а потом её сморило. Совсем старенькая она была. Сидела я сидела, и стало мне скучно. Встала и пошла. Куда, зачем? Наверное, искать маму, куда ещё мог пойти трёхлетний ребёнок?

Дальше помню только своё спокойствие и любопытство. На меня несётся красивый черный паровоз с большой красной звездой посередине. Он истерично гудит, дым валит из трубы, а я зачарованно смотрю на эту картину. Потом помню руки. Большие мужские, натруженные руки. Всё.

4. Ленин и колёсико

В детский сад я часто ходила одна. Мама высаживала меня из трамвая, я самостоятельно доходила до Ауэзова и просила кого-нибудь из взрослых перевести меня через дорогу. Дальше вверх, через двор 55 школы добегала до своего садика и показывала на входе медсестре чистые ладони.

Но в тот день мама никуда не опаздывала и мы степенно шли пешком по Комсомольской, вдоль маленьких частных домов, за штакетниками и кривыми заборами которых цвели яблони и черешни, сливы и урюк, вишни и груши. Вдоль заборов и арыков рассыпались одуванчики. Машины шуршали шинами, трамваи звенели звонками, птицы заливались трелями. В общем, было самое настоящее прекрасное и обычное солнечное апрельское утро.

– Кстати, что сегодня за день? Чей день рождения? – спросила мама.

Я не запнулась ни на секунду: – Знаю! Владимира Ильича Ленина! И стих знаю! Я маленькая девочка, в школу не хожу. Я Ленина не видела, но я его люблю! Вот! У нас в садике сегодня праздник будет, дети будут стихи читать.

– И ты? Что-то я не слышала, чтобы ты что-нибудь разучивала.

– Нет, меня не взяли... Я же букву рэ не выговариваю, – я вздохнула, переживая свою бесперспективность.

– Ой! – отвлекла меня он грустной темы мама. – Это что за колёсико лежит?

На краю тротуара лежало что-то тускло блестящее, отдалённо похожее на юлу. Колёсико с зубчиками, надетое на штырёк.

Я подала фитюльку маме.

– Похоже, это колёсико от будильника. Смотри! – мама наклонилась к тротуару и тихонько крутанула бывшую часовую деталь. Колёсико с нежным пением закрутилось, зубчики сразу исчезли и всё превратилось в золотистый шарик. Я зачарованно смотрела на неожиданно приобретённую игрушку. Через минуту кружение стало медленнее, опять стали видны зубчики, и в конце концов колёсико грустно завалилось на бок. Я тоже крутанула этот древний, как его сейчас назвали бы, спиннер. Получилось! Опять раздался нежный звон и колёсико превратилось в волшебный шарик.

– Всё, опаздываем, в саду докрутишь! – скомандовала мама и мы припустили по улице.

...Было уже тепло и медсестра сидела прямо у ворот детского сада на детском стульчике за детским столиком, на котором лежал журнал, куда она заносила показания детской температуры. Это, кстати, было обязательно. Там же, на столике стояли банки с градусниками и лопатки для проверки горла. Температуру мерили тут же, у входа, данные заносились в журнал, проверялись на чистоту и, наверное, чесотку руки, И после обязательных медицинских процедур я, помахав маме ручкой, впопыху в привычный мир детского сада.

Мне не терпелось показать моё приобретение тогдашней подружке... забыла, как звали её... Ире? Люде? Мы с ней и на занятиях сидели вместе, и спали рядом, и на прогулки ходили парой, взявшись за руки. У нас по всей территории были закопаны «секретики», помните? Какая-нибудь ерунда: фантики, камушки, бусинки, которые закапывались в землю и прикрывались осколком от бутылки. Потом по пять раз на дню ходили проверять свой «секрет», что-то добавляли, что-то убирали. Женская любовь к секретам неистребима и необъяснима.

Но в этот раз нам было, чем заняться. Мы бесконечно крутили колёсико и заодно следили, чтобы никто из этих ужасных мальчишек не покусился на наше сокровище.

После завтрака нас собрали в группе для торжественного утренника. Стулья расставили по периметру комнаты, все расселись и особо одарённые одноклассники с хорошей дикцией выходили по одному, и читали стихи о Ленине.

Мы с Людой-Ирой выбрали самые центральные места, потому что там стоял очень большой портрет Владимира Ильича во весь рост. Картину прислонили к стене не совсем вертикально, низ её был далеко от стенки. Поэтому у нас была возможность продолжать крутить колёсико прямо на ботинках Ильича и во время затянувшейся торжественной части.

– Ленка, посмотри! – вдруг зашептала Люда-Ира, когда мы подходили к портрету. – Картина неправильная, на ней нету Мавзолея! Ты же была в прошлом году в Москве, была в Мавзолее. На картине Ленин есть, а Мавзолея нет!

Я задумалась. Да, в Мавзолее я была, Ленина видела, правда, уже без Сталина. За год до этого отец пожалел меня маленькую, и мы не стали выстаивать огромную очередь. Думал, на следующий год покажет мне своего главного

врага. Но на тогдашний Хэллоуин Сталина из Мавзолея убрали, и мне на следующий год довелось увидеть только Ленина. Я очень хорошо запомнила, что Мавзолей стоит на Красной площади, а на картине его не было. Забыл, наверное, художник, другого объяснения у меня не было.

...Ленин, как всегда с добрым прищуром, стоял в центре Красной площади и глядел куда-то вдаль. На правом ботинке у Ильича была небольшая прореха, давнишняя, изнахраченная. Но на чёрном ботинке её, грязную, особо видно не было, поэтому руки у воспитателей до неё не доходили. Так вот, крутилось наше колёсико, крутилось и нырнуло прямо в дыру в ботинке Владимира Ильича. Это было ужасно и несправедливо. Но, на наш взгляд, вполне поправимо. Мы стали пытаться пальцами достать игрушку из картины. Так увлеклись, что и не заметили, как верх картины отделился от стены и она начала медленно падать.

Нам попало по темечку мягким холстом, а кого-то из соседей задело рамой. Какой поднялся рёв, какой был переполох!.. Колёсико с тихим нежным звоном упало на пол и покатилося, покатилося...

...Я стояла в углу и, как настоящая, не сдававшаяся врагу революционерка, сжимала в кулаке колёсико от будильника.

Камень на камень, кирпич на кирпич.

Умер наш Ленин, Владимир Ильич.

Грустно...

5. Тюльпаны

Это был прекрасный день... Кажется, вот он, только руку протяни... 1964 год, 15 мая. Я заканчиваю первый класс.

Одноклассников почти и не помню, только на старой фотографии имена, фамилии. Смутно проплывают силуэты, лица. А первую учительницу помню. Раису Георгиевну. Совсем молоденькую, только-только после пединститута. Она

была очень хорошенькая, стильная такая, улыбчивая.

И вот на мой день рождения она решила устроить мне сюрприз. Сразу после уроков мы поехали с ней на четвёртом трамвае, далеко-далеко по Комсомольской в самый центр города, в кафе «Тюльпан» на Коммунистическом. Его давным-давно уже нет, а тогда это было, видимо, самое модное место алма-атинской молодёжи.

Плохо помню интерьер, но подозреваю, что он был минималистским, как и всё самое передовое в шестидесятые. Маленькие столики, стульчики на тонюсеньких ножках...

Мы взяли по мороженому в плоских вазочках и беседовали о жизни. И тут начались чудеса! В двери вошёл прекрасный принц, модный-модный, в каком-то необыкновенном, переливающим серым, костюме, в узконосых туфлях и с красивой стрижкой. Но главное – в руках он нёс небольшой букет тюльпанов, колированных, огромных. Я таких и не видела до того дня. Зашёл, огляделся. И тут произошла какая-то заминка. Что это было, я не знаю. Был ли он знаком с моей учительницей, не знаю. Наверное, да. Он немного постоял, улыбнулся, вытащил из букета один тюльпан и протянул его мне.

Передать свои ощущения я не смогу: удивление, восторг, счастье? Я держала его как драгоценность, чудо чудное, диво дивное. Прекрасный принц улыбнулся, сказал «Поздравляю!» и исчез... Всё как в сказке.

...Потом мы поехали домой, обратно по Комсомольской, на четвёртом трамвае. Я любовалась на свой аленький с жёлтеньким цветочек и не замечала ничего вокруг.

И вдруг ко мне подходит бабушка с огромным букетом полевых цветов, отламывает от охапки большую часть и дарит мне. Улыбки, поздравления... Как это? Как так получилось? Как подмигивала Раиса Георгиевна людям, сидя рядом со мной? Как люди догадывались, что эту девочку надо поздравить с днём рождения? Они дарили цветы и пока я ахала и удивлялась, куда-то исчезали.

...А в это время моя бедная мама металась по улице в поисках именинницы. И вот мы идём вниз по Розыбакиева, счастливые и довольные, с подарками и цветами. И мама не знает, как ей реагировать на это: сразу убить обеих или

сказать спасибо за подаренное её дочери счастье? Обошлось...

А потом я закончила первый класс с похвальной грамотой. Ровно через неделю наш дом сгорел и во второй класс я пошла уже в другую школу, с другой прекрасной учительницей и одноклассниками, которых помню до сих пор.

Но счастье осталось там, в пятнадцатом мая 1964 года...

6. Ольга Ивановна

Я стояла и тихо горько плакала. Вместо моей красивой фотографии на Доске Почёта сиротливо белели два кружка от клея.

«Ну, как же так? Третий раз! Третья фотография за месяц! За что? Или я не настоящая отличница? Или я на переменах балуюсь? Почему срывают уже третью мою фотокарточку?»

Я вздрогнула. Сзади раздался скрипучий голос нашей школьной уборщицы Ольги Ивановны:

– Что, опять фотку спёрли, коза? Ходят тут, юбками трясут! От горшка два вершка, а туда же. Что из вас только дальше вырастет? Никто не знает. Я знаю!..

Я не стала дожидаться продолжения и, насколько позволял тяжёлый портфель, понеслась на второй этаж.

Бегать от Ольги Ивановны всем нам, третьеклассникам, было обычно. Какая сила заставляла нас приходить в школу на полчаса раньше, не знал никто. Но каждый день куча маленьких придурков приходила в школу задолго до начала уроков, прекрасно зная, что все обязательно огребут от грозной уборщицы.

– Всех твоих ухажёров знаю! Не успеешь отвернуться, а они тут как тут! А фотки-то уже и нет. Но я всё вижу! Всё расскажу Ирине Яковлевне! И матери твоей скажу! – гремело мне вслед.

Я бежала, вытаращив глаза. Задача была – забежать в любой открытый класс и спрятаться. Ольга Ивановна каждый день гонялась за нами со шваброй. Мы уходили от неё, прыгая по партам, проползая между ними по полу, просачиваясь по стеночке. Мальчишкам это сильно нравилось, а вот зачем это было нужно мне, загадка до сих пор. Сидела бы дома, приходила бы аккуратно ко звонку, так ведь нет! Неумолимая сила влекла все начальные классы в родимую школу побегать от страшной уборщицы.

Строго говоря, уборщицей Ольга Ивановна стала, уже выйдя на пенсию. А вообще-то она и до войны, и в войну, и долгое время после работала директором нашей школы. Так говорили. Правда это или неправда и как давно всё это было, мы не заморачивались. Потому, что нас тогда ещё не было.

...А Ольга Ивановна была монументальна. И на удивление импозантна, несмотря на галоши, синий халат и косынку, завязанную назад, по-пролетарски. Седые букли, нос горбинкой... Надо же! Всё врезалось в память.

И жила она рядом со школой. Одна. Её старый покосившийся домик был построен тут же, во дворе. Так что, в школе она была всегда: и днем, и ночью.

Дух старой восьмой школы.

Так и бегали бы мы, наверное, от старой уборщицы до получения аттестата, если бы не построили новую школу, на три квартала выше. И мы весёлой гурьбой и с чистой совестью в пятый класс пошли уже в новую, с иголки школу. И тут же забыли про Ольгу Ивановну и наши каждодневные забеги по партам.

Иногда, проходя мимо старого здания, я периферическим зрением видела знакомую фигуру всё в том же синем халате. Надо же, всё по-старому!

А однажды маленького домика не стало.

Снесли.

И тогда уже точно не стало старой восьмой школы, несмотря на то, что само здание с цифрами «1935» между лучами пятиконечной звезды стоит до сих пор.

Хотя... Без Ольги Ивановны какая это старая восьмая школа? Так, стены одни...

7. Ключ под ковриком

Нет на свете более занятых людей, чем десятилетние девочки: и в школу надо сбегать узнать расписание хора, и в библиотеке срочно надо книжки поменять, и подружке очередную новость на хвосте принести.

А тут беда! Не помню, как получилось, но ключ от квартиры остался только у меня. Он висел на красивой тесёмочке у меня под платьем. Скоро должны были появиться с работы родители, но мои наиважнейшие дела не терпели отлагательств. Я то металась по комнатам, то горестно застывала на кухонной табуретке, но проблема не решалась. И тут меня осенило! Я вырвала страничку из тетрадки и старательно написала: «Мама! Ключ под ковриком. Я скоро прийду». Положила ключ под коврик, записку воткнула в щель между дверью и косяком, чтобы было лучше видно, и с чувством выполненного долга убежала по своим неотложным делам.

И вот возвращаюсь я домой и застаю там печальную картину: мама с горестным лицом держит в руках мою записку, а папа курит, отвернувшись к окну. Я сообразила, что сейчас будет втык. Ну да, как можно так беспечно оставлять ключ под ковриком? Меня же предупреждали, что это чревато.

Я понуро стояла и ждала нотации. И дождалась:

– Лена, как ты могла? Ты, моя дочь, а пишешь «прийду»?! У тебя же пять по русскому! А если бы кто-то из соседей прочитал! Какой позор! Николай, что ты молчишь?!

Папа совсем отвернулся и стал смотреть в окно.

Я подскочила, схватила записку: – А как надо?

– О, она не знает! Николай, ты слышишь, она не знает! Иди, учи русский!

И я поплелась в свою комнату думать: почему ошибка в письме для мамы страшнее моей безответственности и безалаберности. Ведь ни слова мне не сказали про ключ под ковриком. Просто на следующий день папа пошёл на Никольский и сделал нам всем по ключу. И запасной.

8. Остров сокровищ

– Так, ваша светлость, – хитро сощурясь, сказал папа. – Чуть не забыл тебе новую книжку отдать. Таковую книгу обязательно надо прочитать. Без неё никак.

Ну, этого он мог бы мне и не говорить. Это было, что называется, обязательно к исполнению. И я ни разу об этом не пожалела: все книги, которые приносил мне папа, были и остались лучшими книгами в моей жизни.

Книга была не новая, даже слегка потрёпанная. На желтоватой обложке красовался одноногий дядька с попугаем на плече.

Так, посмотрим... Роберт Л.Стивенсон «Остров сокровищ». Ух ты!

Я открыла и провалилась...

Я помню, словно это было вчера, как, тяжело ступая, он дотащился до наших дверей, а его морской сундук везли за ним на тачке. Это был высокий, сильный, грузный мужчина с темным лицом. Просмоленная косичка торчала над воротом его засаленного синего кафтана. Руки у него были шершавые, в каких-то рубцах, ногти черные, поломанные, а сабельный шрам на щеке – грязновато-белого цвета, со свинцовым оттенком. Помню, как незнакомец, посвистывая, оглядел нашу бухту и вдруг загорланил старую матросскую песню, которую потом пел так часто: Пятнадцать человек на сундук мертвеца. Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Я вздрогнула, потому что папина рука легла на книгу: – Всё потом, а сейчас школа, работа... Я сегодня задержусь, но тебе будет, чем заняться.

И как в воду глядел. Придя со школы, я забросила портфель, переоделась, включила торшер и устроилась поуютней в любимом зелёном кресле. Дождь

хлестал по земле так же, как и тогда, почти двести лет назад. Сумерки спускались на город, далёкий от всех морей, а я была там, на скалистом побережье Англии.

...Бурными ночами, когда ветер сотрясал все четыре угла нашего дома, а прибор ревел в бухте и в утесах, он снился мне на тысячу ладов, в виде тысячи разных дьяволов. Нога была отрезана у него то по колено, то по самое бедро...

Ну, надо же! Какие ужасные, страшные пираты жили раньше в Англии! Я поёжилась, перевернула страницу и поняла, что хочу есть. Наверное, от страха. Какое-то время во мне боролись два желания: продолжить читать или всё же что-нибудь поесть. Голод пересилил. Я с опаской покосилась на тёмный коридор, но, делать нечего: как-то надо было добежать до выключателя на кухне. А со светом уже не так страшно. Прижав книгу к груди, я быстро преодолела тёмный коридор и включила свет на кухне.

В холодильнике было пусто. Да, плохо без мамы... Ага, вон остатки батона в хлебнице.

Я посыпала кусок батона сахаром, налила чаю и опять провалилась в восемнадцатый век.

– Разве ты не узнаешь меня, Билли? Неужели ты не узнаешь своего старого корабельного товарища, Билли? – сказал незнакомец.

Капитан открыл рот, словно у него не хватило дыхания.

– Черный Пес! – проговорил он наконец.

Я застыла с открытым ртом. Хлеб был забыт, чай остыл, а я всё никак не могла оторваться от книги, в которой жили Джим Хокинс и его ужасный постоялец Билли Бонс.

В подъезде слышались шаги. Всё смешалось у меня в голове: то ли это соседи идут домой, то ли старые пираты окружают таверну «Адмирал Бенбоу», чтобы забрать сундук с картой...

...Вдруг я заметил человека, который медленно брел по дороге. Очевидно, он был слепой, потому что дорогу перед собою нащупывал палкой. Над его глазами и носом висел зеленый щиток. Сгорбленный старостью или болезнью, он весь был закутан в ветхий, изодранный матросский плащ с капюшоном, который делал его еще уродливее. Никогда в своей жизни не видал я такого страшного человека.

Я подняла глаза от книги и, о ужас! В тёмном коридоре мне примерещился старый слепой Пью. «Он хочет отдать Билли Бонсу чёрную метку!» – догадалась я с ужасом.

Я вскочила из-за стола, чуть не пролив так и не выпитый чай, и кинулась включать свет во всех комнатах подряд. Перед своей комнатой я застыла и вжалась в стену: дверь надо было открыть и протянуть руку до выключателя. В голове всё перепуталось: где я, кто я? Советская четвероклассница или английский мальчишка? Я зажмурилась, выдохнула, открыла дверь и дотянулась до выключателя. Всё на месте: вон стол, вон шкаф и географическая карта Советского Союза висит на стене. Карта меня вернула в действительность. Всё-таки я четвероклассница...

Я вернулась на кухню, сжевала хлеб, запив его холодным чаем и начала читать дальше...

...В тихом морозном воздухе пронесся звук, от которого кровь застыла у меня в жилах: постукивание палки слепого по мерзлой дороге. Стук приближался, и мы прислушивались к нему, затаив дыхание...

Это было уже слишком. Ужас поначалу просто сковал меня. Я сидела, боясь посмотреть хоть куда-нибудь. Строчки расплывались у меня перед глазами. Вместо них, из всех сумрачных углов виднелись жестокие физиономии английских пиратов.

Я выдохнула, схватила книгу и выбежала в коридор. Там стоял мой маленький детский стульчик. На него теперь садились, чтобы удобнее было надевать обувь. Но сейчас он оказался не просто старым стульчиком, а моим спасителем. Часы на стене показывали половину девятого. Схватив стульчик, я открыла входную дверь и выскочила в подъезд. «Буду читать тут, пока не придёт папа»...

...Тут слепой сообразил, что идет не туда, куда надо. Вскрикнув, он повернулся и побежал прямо к придорожной канаве, в которую не замедлил скатиться. Но сейчас же поднялся и, обезумев, выкарабкался опять на дорогу, как раз под ноги коню, скакавшему впереди всех.

...Я сидела, скукожившись на маленьком старом стульчике, ноги замёрзли, но зайти в дом было выше моих сил: мне теперь везде мерещились морские разбойники с их кортиками и мушкетами. Внизу хлопнула входная дверь, послышался стук дождя и весёлые голоса. Но мне было не до них...

- Эй, Окорок, затяни-ка песню! - крикнул один из матросов.

- Старую! - крикнул другой.

- Ладно, ребята, - отвечал Долговязый Джон, стоявший тут же, на палубе, с костылем под мышкой.

И запел песню, которая была так хорошо мне известна:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца...

Вся команда подхватила хором:

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

- Лена, а ты что тут делаешь? - голос соседки тёти Маши вернул меня к действительности.

- Я... я книжку читаю. Мне дома страшно одной...

- Мама ещё не приехала?

- Нет, ещё месяц.

- А папа? Не пришел ещё?

Я опустила глаза, а тётя Маша вздохнула, покачав головой. Мимо меня проплыли сумки и авоськи, щёлкнул ключ и дверь за тётей Машей закрылась...

– Хокинс, – говорил мне Сильвер, – заходи, поболтай с Джоном. Никому я не рад так, как тебе, сынок. Садись и послушай. Вот капитан Флинт... я назвал моего попугая Капитаном Флинтом в честь знаменитого пирата... так вот, Капитан Флинт предсказывает, что наше плавание окончится удачей... Верно, Капитан?

И попугай начинал с невероятной быстротой повторять:

– Пиастры! Пиастры! Пиастры!

Внизу опять слышались шаги. Но это и хорошо: люди вокруг, всё не так страшно.

Это были соседи из квартиры напротив – Сашка Мучалов и его мама. Сашка шёл, набычившись и отвернувшись от меня, как будто мы и не знакомы с ним вовсе и не учимся в параллельных классах. За всё время мы с ним даже ни разу не поздоровались, не то, что слово доброе сказали. «Бэшник», одним словом. Фи!

– Здравствуй, Лена? Ты чего тут сидишь? – спросила Сашкина мама.

– Книжку читаю, – я показала обложку.

– А где мама? Папа?

– Мама в Москве, уже месяц как... – я тяжело вздохнула. – А папа еще с работы не вернулся...

– Ладно, наверное, скоро придёт. Ты долго не засиживайся, простудишься. Вон как дождина льёт, даром что март.

Дверь за ними захлопнулась и я опять упала в восемнадцатый век...

Мы остановились в том самом месте, где на карте был нарисован якорь. Треть мили отделяла нас от главного острова и треть мили – от Острова Скелета. Дно было чистое, песчаное. Загрохотал, падая, наш якорь, и целые тучи птиц,

кружась и крича, поднялись из леса. Но через минуту они снова скрылись в ветвях, и все смолкло.

...В тётю Машиной двери повернулся ключ. Она вышла в подъезд и строго сказала: – Всё, Лена, спать будешь у меня. Время уже одиннадцать, ждать больше некого. Сейчас поужинаешь и ляжешь спать. Ох уж эти...

Она покосилась на меня и дальше продолжать не стала. Я, дрожа, встала со стульчика, закрыла ключом дверь и поплелась за тётюй Машей.

Тётюя Маша жила одна. Её дочь вышла замуж и ушла жить к мужу, а кровать осталась. По телевизору показывали съезд народных депутатов. По-моему, двадцать третий в том году был. Что-то вещал ещё молодой и бодрый Брежнев, все депутаты постоянно вставали и долго ему хлопали. Тётюя Маша наложила мне горячей картошки, рядом поставила солёные помидоры. Вкусно! Я потянулась за книжкой:

– Ещё чего! Времени скоро двенадцать! Под душ и спать! Я уже постелила. А отцу твоему... – она что-то добавила беззвучно. – Я записку в двери оставила. Придёт – увидит, не волнуйся. Я с трудом доплелась до постели и провалилась в глубокий сон.

...Утром я проснулась от голосов: строгого тётю Машиного и виноватого отцовского.

– Маш, ну не ругайся, ну, посидели мы вчера с ребятами...

– С ребятами?! – голос тётю Маши звенел на высочайшей ноте, хоть и говорили они полушёпотом. – Девчонку одну дома оставил! Что ты ей за книгу там подсунул, что она весь вечер в подъезде сиротинушкой просидела?!

– Так я... «Остров сокровищ»... А что, хорошая книга.

– Папа! – я выскочила из постели. – Хорошая книга! Я уже половину прочитала. Спасибо, тётю Маш, мы домой!

Дома везде горел свет. На кухне лежал недоеденный засохший батон. Я прислонила книгу к чашке со вчерашним чаем и снова улетела на двести лет назад.

– Так, я купил в магазине котлеты. Сейчас пожарю, ты подожди, – суетился папа. Но меня на кухне уже не было...

«Испаньола» по-прежнему стояла на якоре. Но над ней развевался «Веселый Роджер» – черный пиратский флаг с изображением черепа. На борту блеснула красная вспышка, и гулкое эхо разнесло по всему острову последний звук пушечного выстрела. Канонада окончилась.

... Надо сказать, что мама, хоть и была врачом, и поехала в Москву получать высшую категорию, была из очень простой крестьянской семьи. Пережила войну и голод и карабкалась к лучшей жизни самостоятельно. Да, она стала известным и уважаемым в городе санитарным врачом, но замашки у неё остались те же – крестьянские-крестьянские. Готовила она вкусно, накладывала в тарелку всегда и всего много, но как попало. Хлеб резала огромными ломтями и хорошо, если куски попадали в хлебницу. Папа же, из московской интеллигентской семьи, всё делал красиво и эстетично. Но готовить он не умел. Совсем. Даже готовая к самым неумелым мужским рукам магазинная котлета получалась у него похожей на подошву.

Вот и сейчас он постелил красивую салфетку, ножик справа, вилка слева, а на тарелке живописно располагались котлета, порезанный огурчик, горошек и, как заключительный аккорд, он торжественно набросил на котлету веточку укропа. «Давай, ешь!» Я кивнула и, не отрываясь от книги сжевала котлету. Но в этот раз ни красоты, ни вкуса я не заметила...

У подножия высокой сосны лежал скелет человека. Вьющиеся травы оплели его густой сетью, сдвинув с места некоторые мелкие кости. Кое-где на нем сохранились остатки истлевшей одежды. Я уверен, что не было среди нас ни одного человека, у которого не пробежал бы по коже мороз...

– Ты в школу не опоздаешь?

– Да-да... Школа... – я встала и, не отрываясь от книги, прошла в свою комнату, закрыв за собой дверь. И поднялась со стула только тогда, когда прочитала:

До сих пор мне снятся по ночам буруны, разбивающиеся о его берега, и я вскакиваю с постели, когда мне чудится хриплый голос Капитана Флинта:

- Пиастры! Пиастры! Пиастры!

Так что, в школу я так и не попала. Какая тут школа? Пиастры! Пиастры! Пиастры!

9. Рубль

- Оля-я-я! О-о-оль! – я задрала голову и вглядывалась в окна на четвёртом этаже. Из кухонного окна выглянула старшая Олькина сестра Лариска.

- Чего тебе, горе моё? Куда сестру мою уводишь?

- Ну, позови, чего ты? Меня мама в «Кулинарию» послала, за тестом.

- Самим, самим надо тесто делать, а не по магазинам шляться! Ишь, белоручки!

Лариска была старше нас всего на полтора года, но в её табели о рангах мы занимали место где-то между котятами и лягушатами. Лишь годам к восемнадцати она разглядела в нас людей.

- Иду! – высунулась на балкон Олька, завязывая конский хвост. – Не слушай ты её!

Я быстро выскочила из Ларискиного поля зрения и села в теньке дожидаться Ольку.

Июль. Жара. Самый полдень. Надо быстренько смотаться в «Кулинарию» на Шевченко, и будут нам через час самые разные пирожки с пылу, с жару.

Я вышла навстречу Ольке и мы опять оказались в поле зрения Лариски.

– Мы с Тamarой ходим парой, мы с Тamarой кочегары! – неслось нам вслед. Иногда мы обзывались ею санитарями, в другой раз комиссарами. Смотря, какое настроение будет у Лариски. Я оглянулась огрызнуться, но Оля уволокла меня за угол: мол, нашла, с кем связываться! Заключёт!

– Куда идём-то?

Я открыла кошелёк, в котором сиротливо, но гордо лежал рубль.

– Тесто стоит девяносто копеек, десять копеек остаётся. Пойдём через Никольский, купим семечек.

И мы поскакали (а чего ходить-то, если можно поскакать?) по Виноградова, через трамвайные пути прямо на Никольский базар. Для нас, кстати, никаких других базаров тогда не существовало, только Никольский. Там было всё: ягоды и фрукты, арбузы и дыни, самса и беляши, шашлык и дунганская лапша, сладкая вата и вкуснейшая нуга, завёрнутая в кальку. И конечно, семечки. Ряды и ряды семечек в дальнем углу базара. Каким же большим он мне казался поначалу, мой Никольский! Но со временем он потихоньку съёживался, скудел, безлюдел, пока совсем не исчез. Что там сейчас, не знаю, давно не была.

Но тогда, в шестидесятые, он был полон жизни, шума и разнообразия. Мы прошлись по рядам с аквариумами и птичьими клетками, поумилялись котятами и кутятами, издалика посмотрели с уважением на огромных сторожевых псов и довольные пошли «пробовать» семечки. До сих пор не понимаю, почему продавцы давали нам пробовать семечки? Пройдя по рядам, мы набирали полные карманы товара. Можно было уже ничего не покупать. А такими «умниками» были все, без исключения. Но вот разрешали почему-то...

Мы потихоньку двигались от продавца к продавцу, запоминая особо понравившиеся семечки, как вдруг кто-то толкнул меня на мешки и с силой вырвал из расслабленной руки кошелёк. Пока я балансировала между мешками, Оля попыталась ухватить злодея за руку, да куда там!

Воришка стремительно убежал от нас, и его расстёгнутая белая рубашка развевалась на ветру, как парус.

– А-а-а! Украли! – мы кинулись вдогонку, вовлекая в погоню людей.

– Что украли? Сколько? – люди на бегу интересовались убытком.

– Рубль!!!

Кто-то разочарованно махал рукой и отставал, а кто-то азартно продолжал погоню.

На выходе из базара наш злыдень напоролся прямо на оперативников, которые шли пообедать на базар. Новенькое здание УВД только-только появилось прямо по соседству с Никольским, поэтому идти было недалеко. Воришкой оказался наш ровесник, совсем мальчишка. Но преступление есть преступление. Всё взрослому.

В коридорах УВД ещё не убрали стремянки и вёдра с краской, пахло извёсткой и карбидом. Нас троих завели в кабинет и усадили на стулья. Мы с Олькой с опаской косились на преступника и пытались отсесть от него подальше. Оперативник деловито вытер белую пыль со стола и достал бумагу и ручку.

– Ой! – пискляво заныла я. – Это долго? Нас мама послала в магазин за тестом... Она же ждёт...

– Нет, гражданки, всё будет быстро. Сейчас объяснительную напишете и пойдёте в свой магазин. У тебя украли? Садись к столу и пиши.

– Что писать? – прошептала я.

– В правом верхнем углу пишешь: «Начальнику РОВД Советского района города Алма-Аты товарищу...»

Я послушно написала.

– А дальше?

– Ты сочинения уже писала? – со снисходительной улыбкой посмотрел на меня оперативник. – Вот и пиши... Сочинение...

Я глянула на Ольку, она в ужасе таращилась на меня. Злодей с кривой ухмылкой сидел в дальнем углу и делал вид, что его это никак не касается. Оперативник с озабоченным видом уткнулся в свои бумаги, а я осталась один на один с суровой необходимостью первый раз в жизни писать серьёзную, взрослую бумагу. «Объяснительная» нацарапала я, задумалась, а потом начала писать что-то вроде: «Это был воскресный день, светило солнце, как бездельник. Все гуляли, кто с друзьями, кто с семьёй...». Ну, и так далее, почти по Высоцкому.

За час управилась. Оперативник, устав ждать, выхватил у меня почти три листа объяснительной и с ненавистью глянул «сочинение». «Вот и пусть теперь всем отделом читают!» – с вызовом подумала я и протянула руку за многострадальным рублём.

– Э, нет! Теперь расписка в получении. Сейчас сверим номера, всё запишем, ты распишешься в получении и только тогда...

В общем, через три часа мы прибежали наконец в «Кулинарию». Но тесто уже, конечно, кончилось.

Обратно плелись печальные и уставшие. Лариска встретила нас во дворе:

– А где тесто, стремительные вы мои?

Мы насупились, повздыхали, а потом рассказали ей всё.

– Ни фиги себе, сходили за хлебом! – укатывалась над нами Лариска. – Во вороны!

Мы немного подулись, а потом тоже прыснули и долго хохотали, показывая друг на друга пальцами.

Дома меня ждала ещё одна объяснительная, с мамой. А пока смеёмся. Тоже ведь приключение!

10. Эпиграф

В край забвенья, в сень могилы,

Как слоны на водопой,

Ангелы и крокодилы

Общей движутся толпой.

Вадим Шефнер

Какие-то странные воспоминания приходят в голову...

Стоит светлый тёплый ласковый вечер. То ли апрель в городе, то ли сентябрь. А мы идём с Ирккой по залитым солнцем улицам. Нам по четырнадцать лет. Ума мало, а фантазия бьёт ключом. Мы придумали себе новую игрушку: здороваться с идущими навстречу людьми и наблюдать за их реакцией. Кто-то сосредоточенно кивает, не интересуясь, кто там пропищал «здравствуйте», кто-то приветливо улыбается, кто-то останавливается и задумывается, пытаюсь вспомнить этих девчонок, а потом долго смотрит нам вслед. Есть и такие, которые подходят, начинают задавать наводящие вопросы. Мы отбрёхиваемся, как можем, сочиняем на ходу небылицы, что мы из соседних домов или подъездов, плетём что-то про знакомых тётку и дядю. В общем, ведём себя достаточно бессовестно, но безвредно.

Вот нам навстречу идёт высокий, очень колоритный пожилой казах с совершенно седым ёжиком на горделиво посаженной голове. Он даже не идёт, а как-то плывёт с крейсерской скоростью, рассекая несуществующие волны. Его взгляд устремлён куда-то вдаль и только вперёд. В общем, нет никаких сомнений, что перед нами бывший военный. Я тихонько толкаю Ирку локтем и мы звонко и синхронно выкрикиваем: «Здравствуйте!». А дед, ни секунду не замешкавшись, не повернув в нашу сторону своей головы и даже взгляда в нашу сторону не скосив, громко гаркает: «Здра!..» и проплывает мимо.

Мы тихо хохочем, прикрыв рты ладонями. Нам весело: такой интересный человеческий экземпляр попался.

Мы проходим мимо нашего медицинского института, и Ирка вдруг слышит звуки ударов по волейбольному мячу. Я бы и внимания не обратила, но Ирка, рьяная любительница волейбола, расслышала бы этот звук хоть за два километра.

Пришлось тащиться во двор института, к волейбольной площадке. Встав неподалёку, мы начали болеть за спортсменов, но мне это достаточно быстро надоело. Чего-то бьют ребята по мячу, чего-то орут друг на друга. Скучно. Ну, не любительница я. Поболеть за нашу хоккейную сборную – это да. А в волейболе я ничего не понимала.

От делать нечего я начала оглядываться по сторонам. И тут моё внимание привлёк грузовик, стоявший почти вплотную к распахнутым двустворчатым дверям одного из зданий. Оттуда вышли два хмурых санитаров в несвежих халатах. В каждой руке они держали по цинковому ведру. Они вылили неопознанное мною содержимое во что-то невидимое в кузове машины и пошли обратно. Через какое-то время снова вышли с ведрами, и снова вылили. Они работали молча и привычно, как-то обыденно. Было件нятно, что они повторяют этот почти ритуал каждый день, много дней.

Я дёрнула Ирку за руку. Она оглянулась: ну, что там!? Я ещё сама не понимала, что там происходит, но испуг, пока только испуг, уже начал обволакивать меня.

Ирка тоже уставилась взглядом в грузовик и медленно пошла к нему поближе. Я поволоклась следом за ней. Метрах в десяти мы уловили сладковатый тошнотворный запах.

– Это же анатомка! – прошептала я. – Мне же мама её показывала, когда мы мимо проходили...

– А что это у них в ведрах? – тоже шёпотом спросила Ирка.

– Кишки... – почти беззвучно прошелестела я, и мы уставились в ужасе друг на друга.

– Девочки, шли бы вы отсюда, – прогудел один из санитаров.

Мы кивнули, но продолжали стоять. Неожиданный кошмар, совсем не вписывающийся в спокойствие этого теплого вечера, пригвоздил нас намертво к земле.

Санитары вышли в очередной раз из дверей анатомки, и один из них нёс фиолетовое тело без головы с культями вместо ног и рук. Тело матово блестело, а срезы были какими-то неровными, грязно-жёлтыми. Он размахнулся и закинул этот обрубок, этого когда-то человека в кузов. Он с жутким звуком упал в месиво из других человеческих останков и всё закончилось.

Мы попятились назад, потом развернулись и медленно пошли к выходу со двора мединститута. Удары волейбольного мяча эхом отдавались в голове и напоминали звук падающего на дно кузова тела, в носу стоял мертвящий запах анатомички, а мы не в силах были хоть капельку убыстрить шаг.

Разошлись так же молча.

Есть я отказалась и, как сомнамбула, прошла в свою комнату, села за стол и уставилась в открытый где попало учебник. Буквы сначала прыгали перед глазами, никак не собираясь в слова, а потом их и вовсе не стало видно из-за наступивших сумерек.

– Лена, ты чем занимаешься? – голос мамы был строг и встревожен. – Чёрти что! Ужинать отказалась, сидишь в темноте, уроки не делаешь. Что случилось?

– Я... мы с Ирккой возле твоей анатомки труп видели... без головы... и кишки...

– О. господи! Напугала меня! Я-то думала, что-то серьёзное случилось. Там этих трупов каждый день... – мама сделала строгую паузу и продолжила. – Забудь и делай уроки.

– Тебе хорошо, ты много трупов видела, а я... – я зарыдала.

– Глупости не говори и успокойся. Подумаешь, кишки она увидела. Нашла чего бояться!

Мама ещё раз произнесла «О, господи!» и дверь за нею закрылась. А я посидела ещё какое-то время, пялясь в учебник и пытаюсь отогнать от себя вязкие, пропахшие тленом мысли, и поняла, что лучше мне попробовать уснуть, переспать этот ужас, а утром, может, легче будет.

Спала я лицом к окну, а в изголовье стоял большой полированный платяной шкаф. Шифоньер, как его называла мама. Стояла тихая лунная ночь, и что меня заставило проснуться среди ночи, я не помню. Помню только, что подскочила на кровати и зачем-то оглянулась назад. Там, из дверцы шкафа на меня глядел вчерашний чёрный человек.

Заорала я, видимо, громко, потому что через минуту в дверях появились перепуганные босые родители.

– Что? Что случилось?

Я уже окончательно проснулась и поняла, что в дверце шкафа было всего лишь моё отражение, но кошмар не отпускал меня:

– Я не знаю... Я боюсь... Ведь он же живой был...или она... Как же так с ним? Или с ней... Она же чья-то... – я осеклась. – Дочка... мама... или папа...

– Да, – задумчиво сказала мама, присев рядом со мной на постель. А папа пошёл в спальню за тапочками. – У меня в институте случай был. Нужно было найти причину смерти одинокой женщины. Она ещё совсем не старая была... такая худенькая, маленькая. Девчонки мои, однокурсницы, всю её изрезали, но не нашли никаких патологий. И говорят мне, мол, Надя, ты у нас привычная, фельдшером работала, трупов нанюхалась... – зашёл папа, кинул маме в ноги её тапки, а сам сел рядом на стул. – Вскрой, говорят, брюшную полость. Ну, понятно: что за радость экскременты нюхать? А мне-то что? Я и вскрыла... А там пусто... Вообще ничего нет, даже не пахнет.

Я вытаращила на маму глаза: – А что, так бывает?

– Как видишь, бывает. И не такое бывает. Почему она не ела, я не знаю. Но причину смерти я выяснила. От голода та женщина умерла.

Она вздохнула, встала и опять своим командирским голосом произнесла: – Так что, не бойся и не переживай. Никто не знает, когда и как он будет похоронен. И кем. Всё! Я – спать!

– А ты, папа? Ты на войне много мертвецов видел?

– Много, доченька. И до войны, и после... На войне как раз поменьше. Я же летал, что там сверху увидишь? Но первую смерть на войне помню. Это мой дружок был, Митя...

Папа пересел на освободившееся после мамы место на постели, обнял меня и начал рассказывать:

– Это было прямо в самом начале войны, мы только по два или три боевых вылета успели сделать. А тут смотрим: к нам на аэродром мессер подбитый садится. Сел он, а из него немец выходит. Качается, весь в крови, ну, раненый... Мы к нему с ребятами кинулись, помочь хотели. Митька меня всего-то на два шага и опередил. Подскочил к нему, приобнял, а тот вынул из унта нож и всадил ему точно в сердце. Митька прямо мне на руки упал. Наши немца схватили и уволокли куда-то, не знаю... А Митька так у меня на руках и умер.

– А зачем он его убил? – от удивления у меня высохли слёзы.

– Думаю, испугался. Он тоже совсем молодой был. Все мы тогда были молодыми и непугаными... А ты давай, спи. Не думай об этом.

– А сказку? – нагло схитрила я. Уж очень мне не хотелось оставаться одной.

– Ну, ты даёшь! Ты же большая уже, – и он начал...

Эту сказку папа когда-то сочинил сам. Но видимо, не до конца, или мне её ни разу до конца не досказал. Когда меня, маленькую, он укладывал спать, то всегда делал этот зачин. В памяти стёрлось всё остальное, а эти две строчки помню.

– Давным-давно в тюрьму из льда

Закрыли зло навечно...Всё. Спи.

11. Продлись, продлись, очарованье...

Кто о чём, а я опять о книгах. Хорошо ли, плохо ли, но так меня воспитали, с этим я выросла и живу. И сегодня хочу рассказать почти волшебную историю. Ещё бы, ведь и книжка эта – сама настоящая сказка.

И да, как и положено в рождественской сказке, в этот день за окном падал снег. Декабрьский снег. Это был первый настоящий снегопад той зимой. Крупные хлопья торжественно и тихо ложились на всё пространство за окном.

Мы договорились с Олькой, что пойдём вечером кататься на санках, позаимствуем у кого-нибудь из соседских детишек. Свои-то уже давно сломали или отдали кому-то. Ну, а если не найдём, то просто постряхиваем друг на друга снег с веток. Любимое занятие...

А пока вечер ещё не наступил, я достала из портфеля потрёпанную тоненькую книжку, которую мне торжественно вручил кто-то из одноклассников. Почему-то в классе считали, что я люблю английский и знаю его, что, конечно, было не так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/ru/malozemova_elena/oskolki

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)